

встрѣчала въ Щепкинѣ рѣшительное осужденіе. Какъ разъ изъ-за этого онъ серьезно столкнулся однажды съ княземъ Шаховскимъ. Князь все училъ на репетиціи одну молодую актрису, какъ отвѣчать „въ тонъ“. У той ничего ни выходило, только вся естественность пропадала. „Мнѣ кажется, князь, — сказалъ Щепкинъ, — вы и себя и ее напрасно затрудняете. Оставьте ее. Чтобы попасть въ тонъ, не нужно науки“.

Разработать роль значило, по Щепкину, всесторонне вникнуть въ природу выведеннаго въ роли лица и каждаго изъ тѣхъ положеній, въ которыхъ оно тамъ выводится, и тогда, говорилъ Щепкинъ, нужныя интонаціи явятся сами собою, какъ онъ являются въ непринужденной бесѣдѣ въ дѣйствительной жизни. Вотъ почему работа надъ ролью, какъ ее понималъ Щепкинъ, и не могла убивать вдохновенія, а служила лишь прочной точкой опоры для приданія вдохновенію надлежащаго направленія. ¹⁾ Работая надъ ролью, Щепкинъ прежде всего погружался въ психологическій ея анализъ и здѣсь онъ пользовался и собственными жизненными наблюденіями и, когда это было нужно, литературнымъ изученіемъ даннаго типа. Афанасьевъ, близко знавшій Щепкина, сообщаетъ, что „для

¹⁾ Вотъ почему также тщательнѣйшая и упорная работа надъ ролью оставалась скрытой въ игрѣ Щепкина для зрителя и зритель получалъ иллюзію импровизаціи. Въ одной рецензіи читаемъ, напримѣръ, слѣдующее про игру Щепкина („Репертуаръ и Пантеонъ“, 1846, VII): „Не спрашивайте у Щепкина напередъ, что онъ намѣренъ сдѣлать; увѣряю васъ, онъ самъ этого не знаетъ; онъ ничего не предвидитъ, что у него вырывается изъ устъ, вырывается изъ души и—невольно“. Мы знаемъ, что это было далеко не такъ, и игра Щепкина являлась плодомъ глубокаго обдумыванія; но замѣчанія рецензента очень знаменательны, они показываютъ, до какой иллюзіи доводила зрителя обдуманная игра Щепкина. Въ другой рецензіи („Репертуаръ и Пант.“, 1839 г., XII) читаемъ: „Необыкновенное искусство Щепкина тотчасъ схватить характеръ изображаемаго лица, перелиться въ него заставляетъ иногда думать, что это ничего не стоитъ, что ему нѣтъ ничего легче, какъ взять на себя ту или иную личину, облечься въ такую или иную фizioномію. Вотъ верхъ искусства — заставить думать, что никакихъ усилій не нужно, чтобъ прекрасно выполнить роль и скрыть всѣ трудности для достиженія известной степени совершенства“.

Такая иллюзія была именно результатомъ того, что работа Щепкина надъ ролью состояла не въ затверживаніи интонацій, а въ обдумываніи психологическаго содержанія роли.